

Шимукович С. Ф.

Республиканский институт высшей школы, Минск

Shymukovich S.

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 394.011:94(47+476)“18/19”

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТЯХ ЭЛИТ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПЕРИОД «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

TO THE QUESTION ABOUT THE IDENTITIES OF THE ELITES OF BELARUSIAN LANDS DURING THE «LONG 19 CENTURY»: THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION

В статье рассматривается феномен идентичности в качестве важного фактора, который определял деятельность представителей разных групп локальных элит белорусского региона в XIX веке. Автор выявляет уровни и формы идентичностей локальных элит белорусского региона, факторы, которые влияли на процессы трансформации идентичностей на протяжении «долгого XIX века».

Ключевые слова: идентичность; долгий XIX век; история России XIX века; история Беларуси XIX века; Западный край; элиты; нация; государство; Российская империя.

The article considers the phenomenon of identity as an important factor that determined the activity of representatives of different groups of local elites of the Belarusian region in the 19 century. The author reveals the levels and forms of identities of local elites of the Belarusian region, the factors that influenced the processes of identity transformation during the «long 19 century».

Keywords: identity; long 19 century; history of Russia of 19 century; history of Belarus of 19 century; Western region; elite; nation; state; Russian Empire.

Во многом XIX век является определяющим для становления современного мира и в формировании оценок процессов, которые привели мир в современное его состояние, а также в оформлении подходов, с помощью которых мы оцениваем прошедшие события. Каждый исторический период по своему расставляет приоритеты в отношении оценок исторического прошлого.

Если в советской историографии царствовал марксистский классовый подход в оценке исторических событий, то с крахом советской политической системы и маргинализацией марксизма на постсоветском пространстве преимущество получил национальный взгляд на историю, причем опирался данный подход в первую очередь на эссенциалистские и примордиалистские концепции формирования наций. Романтический характер данных концепций ограничивает исследователя в возможностях более глубокой и детализированной интерпретации событий не меньше ранее почившего классового марксистского подхода. Важным событием в деле знакомства постсоветской научной общественности с достижениями конструктивистского направления в исследовании феномена национализма и идентичностей стало издание в 1994 году реферативного сборника «Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции» под редакцией А. И. Миллера [11].

В то же время перед современными постсоветскими обществами (государствами) стоит важная общественно-политическая задача – найти свое место в стремительно глобализирующемся мире, при этом не потерять своей самостоятельности – как в смысле сохранения политического и экономического суверенитета, так и в плане развития уникальной культурной традиции. Эти задачи невозможно решить без глубокого и непредвзятого всестороннего анализа истории каждого конкретного общества, нации, государства в том понимании этих терминов, которые были характерны и использовались в соответствующие исторические периоды (и особенно это актуально относительно проблемы формирования белорусской нации). Ведь XIX век – это век становления современных (или модерных) наций, и любые факторы, положительно либо отрицательно влиявшие на данные процессы, могут объяснить многие современные проблемы страны и нации, указать на их причины и способы снятия «блокираторов» социального развития.

Современные постсоветские национальные историографии, в том числе и белорусская, активно апеллируют к исторической фактуре XIX века, конструируя пантеон национальных героев, собирая даты национального величия и формируя подборки артефактов и символов, при этом параллельно формируются списки ан-

тигероев, «врагов нации» и т. д. Но насколько корректно с научной точки зрения заниматься данным творчеством, если критерии отнесения к *национальным* героям либо антигероям в современном этнокультурном понимании данного термина могут быть, мягко говоря, неприменимы для периода XIX века, поскольку в то время нации в современном понимании этого понятия только формировались, идентичности как региональных элит, так и широких слоев обывателей проходили сложный путь трансформаций, а критерии отнесения к тому либо иному виду идентичности были не столь очевидными и однозначными, как они понимаются в наше время. Как отмечает известный историк Э. Хобсбаум со ссылкой на Э. Ренана, «ошибочный взгляд на собственную историю – это один из факторов формирования нации» [20, с. 24]. В развитие данного тезиса приведем мнение белорусского историка А. Смоленчука, который отмечает, что белорусская нация формировалась именно на этнокультурном фундаменте и для белорусской историографии важно было находить, сохранять и развивать в первую очередь этнические и культурные маркеры белорусскости [18, с. 59].

Все эти сложные моменты оценки процессов формирования национальной исторической парадигмы вполне подлежат научному анализу и могут составлять объектно-предметную область исследований современного белорусского историка, и стоит отметить, что применение методов смежных наук – политологии, социологии, философии, культурной антропологии и прочих в рамках междисциплинарного подхода может значительно облегчить его работу и способствовать формированию объективного знания об истории белорусских земель и социальных процессах, о чем уже нами отмечалось относительно подходов к изучению истории региональных элит [21].

В современном российском историческом знании и в целом в социально-гуманитарных науках в последние десятилетия уже утвердился новый методологический подход, который, не отрицая традиционного выявления и описания причинно-следственных связей в рамках структурализма, предполагающего формирование линейного видения хронологии развития истории, все более и более использует наработки междисциплинарных исследовательских практик и методов, основанных на онтологическом понимании социального мира. А здесь исследователи в большей степени акцентируют свое внимание на *интересах* различных групп элит, на процессах формирования или трансформаций *идентичностей*, систем ценностей разных сообществ – от регионального до глобального уровня коммуникаций [14, с. 149]. Именно на основе данной мето-

дологии, опирающейся на конструктивистские и постконструктивистские теории наций, разработанные в западной историографии, подготовлен и издан в 2014 году в России пятый том научного издания «Всемирная история». Этот более чем серьезный труд затрагивает и проблему национальных нарративов в век империй (т. е. в период «долгого XIX века»), которую во втором разделе на примере российской империи представил известный историк А. И. Миллер [14, с. 153].

Полагаю, что для белорусской исторической науки в «долгом XIX веке» кроется большое количество если не четких и однозначных ответов, то более-менее конкретных указаний на возможные новые варианты рассмотрения и интерпретации известных и однозначно трактуемых исторических фактов и событий, генетически связанных с проблемами в оценке процессов становления современной белорусской государственности в XX веке и этапов формирования белорусской нации и соответствующих каждому этапу уровней идентичностей.

Таким образом, глубоко занимаясь историей периода «долгого XIX века», необходимо достаточно ясно понимать процессы, проходившие в рамках формирования наций и трансформаций идентичностей как у соответствующих групп элит, так и широких масс обывателей. Осмысление идентичности как сложного явления стало актуальной проблемой современной отечественной гуманитарной науки. Считаю, что историкам имеет смысл более глубоко погрузиться в исследование процессов трансформации идентичностей в период «долгого XIX века», итогом которого стало появление наций в современном их понимании и явление феномена национально-культурной идентичности. Для этого нужно разобраться в сущности данного понятия для того, чтобы понимать, какие уровни идентичностей были актуальны для представителей элит в тот исторический период, поскольку, на наш взгляд, именно элиты во многом инициировали и формировали разнообразные проекты социального развития, в том числе национальные (политические и культурные).

Понятие «идентичность» в социальных науках широко стали использовать только в XX веке, как указывает Э. А. Орлова, сначала в психологии, а затем в социологии и антропологии. В своих работах она подробно останавливается на том содержании, которое вкладывает в данное понятие каждое научное направление. Так, она отмечает, что в рамках антропологии представление об идентичности сформировалось с учетом представления об индивидуальных ролях как совокупностях функциональных и символических целостностей, зафиксированных в

институциональных социокультурных структурах и обеспечивающих их сохранность, а также формирование типичных ситуаций социального взаимодействия [12, с. 92]. При этом в социологии идентичность рассматривается как артефакт, формирующийся в результате социального взаимодействия. С этим знаком (или стигмой) связано определенное поведение личности [12, с. 100], т. е. идентичность определяет направления и уровни активности индивидов, и этот факт для научного анализа и понимания сути прошедших исторических событий, равно как и анализа деятельности конкретных исторических личностей, имеет определяющую ценность.

Поведение многих исторических персонажей является результатом не столько личного выбора (который все-таки не стоит недооценивать), а детерминировано в первую очередь их социальным положением, включением в разнообразные социальные структуры, соответствующие определенным формам и уровням идентичностей.

В части своей статьи, посвященной познавательной значимости категории «идентичность» в контексте современных социальных наук (а к ним относится и история), Э. А. Орлова отмечает, что анализ идентичностей делает «очевидными устойчивые характеристики личности, группы, ситуации, которые рассматриваются как детерминанты *индивидуальных действий или совместной активности* людей». При этом общественные отношения понимаются как такая жизненная среда людей, в которой они одновременно ищут, строят, реализуют свою идентичность [12, с. 109–110]. Исторические события, в том числе происходившие в белорусском регионе, в данном контексте получают новую возможность для анализа и интерпретаций.

Сложилось устойчивое представление о социальной идентичности как соотносительности конкретного человеческого индивида с некоей универсальной общностью, при этом последняя понимается как самоотждествленная (т. е. состоявшаяся и утвердившаяся) сущность, что дает возможность с ней соотноситься индивиду [19, с. 25]. В качестве таковой сущности вполне может выступать *нация*, и в данном случае мы говорим о национальной идентичности. Однако здесь мы выходим на необходимость четкого понимания сути понятия «нация» в конкретном историческом контексте. Что касается современного понимания термина «нация», то оно еще дальше отошло от тех принципов определения, которые были актуальны в XIX и даже XX веке, все более испытывая влияние постмодернистских тенденций в гуманитарном знании.

Подробнее на этом понятии мы остановимся чуть ниже, но, полагаю, не вызовет нареканий

коллег мнение, что наполнение понятия «нация» серьезно трансформировалось на протяжении XIX века, и это достаточно наглядно иллюстрирует формула самоидентификации представителей региональных элит западного края, которые в начале XIX века определяли свою идентичность как «*gente Alba-Ruthenus, natione Polonus*», т. е. по национальности поляк, по рождению – белорус (как возможные вариации – литвин, русин). Попытки разобраться в уровнях идентичностей белорусских региональных элит уже предпринимались белорусскими исследователями [8, с. 85], однако требуется более глубокий анализ данных процессов с более широким использованием методов междисциплинарного анализа. Тем более что в XIX веке многие представители локальных элит белорусского региона демонстрировали расщепленность на множество идентичностей, которые они не могли интегрировать в единую целостную личность, что является признаком кризиса идентичности, из которого к концу XIX века локальные элиты белорусского региона вышли, в том числе путем формирования проектов по конструированию современных модерных наций.

На еще один признак, характеризующий динамизм и подвижность идентичностей, указывает Э. Гоулднер. Он отмечает, что всегда имелась возможность переходить от одной идентичности (по крайней мере публично демонстрируемой) к другой [12, с. 103–104]. «Долгий XIX век» белорусской истории богат и на такие факты, объективная интерпретация которых должна быть освобождена от всевозможных обвинений и навешиваемых ярлыков, сформулированных в рамках эссенциалистской и примордиалистской традиций написания истории белорусской нации. В частности, Н. А. Тельнова отмечает, что выбор национальной принадлежности конкретной личностью может осуществляться исходя из экономических, политических и социокультурных предпочтений индивида, что придает данному выбору изменчивый и ситуативный характер [19, с. 28].

Известный историк Э. Хобсбаум, проанализировавший огромный пласт исторической информации, касающейся XIX века, также отмечает, что национальная идентичность не исключает и не превосходит по своей значимости все остальные способы и варианты самоидентификаций, присущих человеку в общественном состоянии, напротив, она с ними сочетается и, более того, способна претерпевать изменения и сдвиги во времени, причем довольно резкие [20, с. 21].

Поскольку идентичность выступает «как ключевая категория осмысления человеком различных форм самореализации, способов измерения социальных процессов и определения кон-

кретных путей устойчивого и цивилизационного развития общества» [19, с. 25], необходимо принять, что именно она определяла во многом социальную активность индивидов. И чем ярче проявлялась идентичность, тем более последовательно и активно действовал конкретный ее носитель. Также необходимо учитывать, что идентичность исходит и из категории различия, когда идентификация с чем-то изначально чуждым, внешним, тем, что есть «не-я», также формирует определенные паттерны поведения, которые в истории вполне могут выливаться, например, в формы оппозиционного движения определенных социальных групп, вплоть до антиправительственных восстаний, на которые история белорусских земель в период «долгого XIX века» достаточно богата.

Таким образом, «идентичность, ее характер, масштабность, интенсивность, способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии» [3, с. 218]. Для современного историка вопрос об уровнях идентичностей, процессах трансформации идентичностей элит и широких масс обывателей в этом ракурсе становится принципиальным и актуальным объектом исследования, поскольку позволяет под новым углом зрения взглянуть на многие исторические события, попытаться объяснить их с позиции, нетипичной для традиционной структуралистской методологии.

В этой связи понимание процессов трансформации идентичностей, выявление и анализ условий и факторов, оказывающих влияние на данные процессы, равно как и фиксация уровней идентичностей, которые могут в том числе существовать параллельно, позволяют прийти к более объективным оценкам исторических событий, личностей, смысловому наполнению символов и артефактов и избежать суждений, не совсем соответствующих критериям историзма и научности.

В XIX веке произошли кардинальные перемены, которые породили тот современный мир, который мы понимаем и оцениваем исходя из объективных критериев, поскольку в данном мире мы живем. Именно по итогам исторического периода, который получил название «долгого XIX века», родился современный человек, появились современные нации, современный тип государства и т. д. Можно предположить, что в XIX веке все, что связано с идентичностями, также претерпело кардинальную трансформацию, и процессы эти были зачастую весьма болезненными, поскольку накладывались на события, связанные с войнами, формированием и реализацией политических национальных проектов, ликвидацией либо созданием государств, модернизацией и гибелью империй.

История белорусских земель в XIX веке имеет исключительный набор ярких событий, кардинально встряхнувших и изменивших условия существования как региональных элит, так и широких масс обывателей, на протяжении достаточно коротких временных отрезков, что напрямую сказалось на процессах, связанных с трансформациями идентичностей.

Как отмечает Н. А. Тельнова, любая форма идентификации есть развивающийся процесс, а идентичность подразумевает действие механизма различия, когда человек идентифицируется с «другим», прекрасно осознавая, что существует то, идентификацию с чем он отвергает: другая национальность, другой пол и возраст, другое вероисповедание и т. д. [19, с. 30].

Таким образом, мы приходим к осознанию взаимовлияния двух процессов: идентичность испытывает мощное давление со стороны исторических событий, изменяющих условия существования общества и приводящих к трансформации идентичностей, но, с другой стороны, коммуникативные и особенно деятельностные аспекты, связанные с феноменом проявления идентичности конкретной личности, оказывают влияние на саму историю, иницируя многие важные и не очень исторические события.

В «долгий XIX век» общество входило, опираясь в значительной степени на остатки средневекового сознания, в котором идентичность строилась как на отождествлении себя с Богом-Творцом. Как отмечает Н. А. Тельнова, «человек был вписан в жесткую сословно-корпоративную иерархию и в своих действиях не должен был проявлять себя как нечто особенное, а подчеркивать свою принадлежность к определенной социальной структуре» [19, с. 26]. Применительно к белорусскому региону это утверждение более чем справедливо как в отношении широких слоев обывателей, так и в отношении социальной группы, претендующей на статус региональной элиты – шляхты. «Сарматство» как сословная идеология шляхты и соответствующий вариант идентичности, т. е. выделение себя в отдельную социальную и политическую категорию «народ», эксклюзивно обладавший политическими правами, строгое соблюдение сословных привилегий и защита своих «золотых вольностей», полностью строилось именно на данных архаических принципах [5, с. 39–41].

В традиционных обществах, а в начале XIX века и в белорусском регионе как локальные элиты (как вариант – шляхта), так и обыватели существовали в форматах именно традиционного общества, где «идентичность личности удостоверялась социальным статусом, социальной ро-

лью, а общественное признание было встроено в идентичность» [19, с. 27].

Что касается широких слоев обывателей, то архаичные формы идентичности в большей степени представляли собой варианты «механической солидарности» в рамках малых и относительно замкнутых общин (в силу низкого уровня коммуникаций как минимум до появления железных дорог) с преимущественно личностно-частным уровнем взаимодействия [16, с. 34]. Стоит отметить, что эти формы идентичности просуществовали и даже главенствовали в обывательской среде в белорусском регионе достаточно долгое время – до начала XX века, проявляясь, например, в феномене «тутэйшасці» белорусских крестьян. Однако на определенном этапе конструирования нации по М. Гроху и этот вариант идентичности вынужден был, не исчезая окончательно, отступить на второй план.

В конце XVIII века потерпела крах государственность Речи Посполитой, которую российский историк Л. Горизонтов характеризует как своеобразную форму польской империи [2, с. 120–121]. Виды идентичностей, тесно завязанные на данную политическую форму организации общества, потеряли связь с символической социальной структурой в лице государства и вступили в фазу кризиса, о чем уже выше указывалось. Н. А. Тельнова, ссылаясь на А. Рено, отмечает, что «исторически каждый человек солидаризируется непосредственно с определенными ценностями и моделями. Когда эти ценности терпят крах, идентичности находятся под угрозой распада», в этой ситуации возникает необходимость в переосмыслении базовых потребностей и социокультурных ценностей [19, с. 29]. Переосмысление осуществлялось либо в формате приспособления к новым условиям существования, либо в формировании действий, направленных на возвращение утраченного.

В этой связи открывается интересный подход для интерпретаций и оценки исторических процессов, которые происходили в белорусском регионе в начале XIX века и которые были связаны с масштабной колонизацией шляхты белорусского региона, до этого достаточно последовательно придерживавшейся «литвинского патриотизма». Колонизацию начала XIX века можно охарактеризовать как процесс закрепления и приоритизации самоопределения региональными элитами в формате «поляк» как имперской, наднациональной (политической) формы идентичности в попытке вернуть, восстановить утерянную «домодерную» государственность Речи Посполитой. Как отмечает И. В. Малыгина, конфликт между метрополией (т. е. Российской империей) и национальным меньшинством («поляками»)

оформляется в рамках идеологии культурного консерватизма, когда фиксируется представление об уникальности собственного (т. е. «речьпосполитовского») исторического опыта, культуры и социального порядка [9, с. 148]. В этой связи апеллирование лидеров региональных элит, ориентировавшихся на Речь Посполитую, к ее историческому наследию, традициям потерянного государства как к *общему наследию* всей шляхты бывшей Речи Посполитой как единого «народа» получило преимущество перед «литвинской» традицией, поскольку позволяло консолидировать значительные социальные ресурсы в противостоянии с империей. Также данному процессу приоритизации только содействовала архаичская (или «сарматская») сущность идентичности «поляк» XVIII века.

«Литвинство» как региональная идентичность в «речьпосполитовский» период существовало в формате соревнования с «короняжами» и, таким образом, играло на ослабление единства шляхты. Когда Речь Посполитая была ликвидирована, «литвинство» как форма региональной идентичности объективно должно было уступить первенство наднациональной идентичности в польском имперском варианте, поскольку именно этот формат позволял мобилизовать активную часть общества на решительные действия по восстановлению Речи Посполитой. В этой связи оценка событий войны 1812 года в регионе и восстаний 1830–1831 и 1863–1864 годов начинает наполняться новыми смыслами и интерпретациями. Крайне ошибочно, на наш взгляд, отождествлять колонизацию населения белорусского региона в начале XIX века с целенаправленной национально-культурной ассимиляцией в ее этническом смысле, который мы понимаем исходя из опыта XX века.

Но справедливости ради стоит отметить, что она заложила твердый фундамент для этнокультурной ассимиляции части белорусских региональных элит и обывателей в конце XIX – начале XX века – в период оформления проекта модерной польской нации и реализации политического проекта по созданию польского мононационального государства. То есть именно к концу XIX века, когда польский национальный проект после поражения всех восстаний перешел на уровень формирования польской нации на этнокультурных основаниях, сопровождающийся стремлением воссоздать польскую национальную государственность, но уже как государства модерной (этнической) нации, заложенные в начале XIX века технологии ополячивания привели к серьезным проблемам с идентичностями локальных элит белорусского региона, которые оказались крайне разобщены и напоминали по своим

устремлениям лебеда, рака и щуки из известной нам басни. А белорусский национальный проект как проект конструирования белорусской современной нации был лишен серьезных материальных, а также социальных и интеллектуальных ресурсов. Слабость белорусского национального проекта также объясняется масштабной унификацией национальных регионов империи в рамках формирования государственной российской идентичности [9, с. 149].

Искать внешние причины для объяснения исторических проблем развития белорусской нации есть признак глубокой закомплексованности и незрелости, однако интересны оценки внешних экспертов, не завязанных на проблемы белорусско-польских либо белорусско-российских взаимоотношений, но для которых белорусы представляли в рамках их деятельности определенный утилитарный интерес. Так, весьма отрицательно польское влияние на белорусов оценивает немецкий генерал Э. Людендорф, который командовал немецкими войсками на германо-российском фронте в первую мировую войну. Он отмечает, что «...с белорусами считаться не приходится, так как поляки национально их обезличили, ничего им не дав взамен. Осенью 1915 года я хотел себе составить представление о том, где группируются белорусы. Но сначала их буквально нигде нельзя было найти. Лишь позднее обнаружилось, что это весьма распространенное, но крайне ополеченное племя, стоявшее на столь низкой степени культуры, что помочь им возможно было лишь путем продолжительного воздействия» [7].

Примечательны в этой связи несколько аспектов данного неангажированного мнения. Во-первых, немецкий генерал ничего не говорит об итогах русификации белорусов, хотя в белорусской историографии глубоко укоренился стереотип о ее крайне негативных последствиях. Не отрицая факта существования данного явления, имеет смысл более подробно проанализировать результативность русификаторской деятельности в белорусском регионе на момент начала Первой мировой войны. Во-вторых, генерал указывает на возможность ускорения процессов формирования белорусского национального проекта, таким образом давая аргументы в пользу конструктивистского подхода к появлению наций современного типа.

Опыт «национального поражения», как отмечает И. В. Малыгина, стимулировал сначала в польских имперских, а позднее – в польских национальных элитах развитие «оборонительного национализма», в котором доминировали поиски новых или дополнительных оснований для восстановления национальной независимости. Считается, что выход был найден в «иде

нации», причем «дополнительный» смысл состоял в том, что идея польской нации гражданского типа «речьпосполитовского» периода к концу XIX века трансформировалась в идею (и реально реализуемый проект) нации «этнического» или «культурного» типа [9, с. 148].

Опыт «национального поражения» имелся и у носителей «литвинской» идентичности (правда, более ранний, связанный с Люблинской унией и к XIX веку значительно подзабытый), однако представители этой группы локальных элит так и не смогли сформулировать эти «новые или дополнительные основания» в рамках своего политического проекта, что не позволило им мобилизовать более-менее приличные социальные ресурсы. Со временем, к началу XX века, литвинская идентичность у ее носителей трансформировалась либо в польскую, либо в белорусскую (в зависимости от соответствующих предпочтений, о чем уже указывалось выше). Достаточно подробно о кризисе «литвинской» идентичности можно прочитать у А. Смоленчука [17].

Рассматривая процессы трансформации идентичностей во второй половине XIX – начале XX века, мы не можем обойтись без осознания и принятия определенных моделей формирования современных наций и интерполяции их в реальных исторических событиях, происходивших в белорусском регионе Российской империи. Здесь же нам нужно достаточно четко понимать, какие уровни идентичностей могли существовать в рамках сложного имперского пространства в данном регионе

В этой связи интересен опыт исследования и выявления уровней идентичности в период «долгого XIX века» на пространстве бывшей Австро-Венгерской империи, имевшей, как и Российская империя, многонациональный характер. Хотя обе империи имели значительные различия в моделях устройства и отношении к этническим меньшинствам, тем не менее, методологические подходы исследования уровней идентичностей могут, с известной долей критичности, использоваться и для выявления идентичностей в белорусском регионе. Так, чешский историк Й. Коржалка и венгерский И. Халас сформулировали несколько вариантов идентичностей на основе чешского и словацкого материала. Они выделяют идентичности в сообществах Австро-Венгерской империи, существовавших и трансформировавшихся во времени, отмечая идентичности наднационального уровня, связанные с политическим институтом многонационального государства – империи; идентичности на уровне сословного земельного патриотизма; самоотождествление со славянским (либо германским) миром; этнический и субнациональный уровни идентичности. При этом у И. Халаса,

изучавшего процессы трансформации идентичностей у словаков в XIX веке, старый земельный патриотизм, который понимался как в некоторой степени наднациональная «венгерскость», а уже современный «модерный» национализм – как «мадьярскость». При этом интересно упоминание им о существовании в словацком обществе идентичности «мадьяронов», которые не только переняли венгерский язык и культуру, но и стремились распространить ее вопреки своей исконной словацкой национальности [15, с. 103–104]. Схожая ситуация в белорусском регионе наблюдается в деятельности так называемых «краевых поляков», активно распространявших в белорусском регионе польскую культуру и образование. А обозначенная Й. Коржалкой идентичность в форме «богемизма» во многом по своим признакам соотносится с «литвинской» идентичностью части элит белорусского региона, и как литвинство богемизм утратил актуальность к концу XIX века, уступив место этнокультурному «чешству» (чем не аналог «белорусскости»?) [13, с. 103, 106].

Таким образом, процесс трансформации идентичностей во многом можно рассматривать как изменения по вертикали – от идентичностей регионального или иного узкого характера, скорее напомилавших архаичные виды идентичности, к более глобальным формам идентификации – национальным и наднациональным (и наоборот), так и по горизонтали – между идентичностями культурными (этническими) и политическими (гражданскими), использовавшими разные маркеры (национально-гражданские или этнокультурные) одного уровня.

Основными компонентами (маркерами), характеризующими культурную или этническую идентичность, согласно П. Альтера, являются традиции, язык, место проживания, традиционная религия, обычаи и общая история. А вот ключевым компонентом политической национальной идентичности исследователь считал «наличие у граждан политического сознания равенства перед законом». М. Игнатъев расширил компоненты политической нации за счет «патриотической приверженности разделяемых всеми политических практик и ценностей», а этнической идентичности он присовокупил «доверие только к представителям своего этноса» [1]. Примечательно, что критериям политической нации полностью соответствует идентичность «поляк» в сарматском ее проявлении конца XVIII – начала XIX века, равно как и «русская» имперская идентичность. А вот идентичность «поляк» (в том числе и краевая, или «кресовая», его разновидность) применительно к концу XIX – началу XX века более характеризуется как раз критериями культурной (этнической) нации.

Справедливости ради стоит отметить, что, по мнению К. Нилсена и У. Кимлика, уравнивать культурный и этнический национализм и, соответственно, идентичности неправильно, так как эти формы несколько различаются по степени открытости для аутсайдеров [1].

В этой связи интерес представляет описание самоидентификации М. Ромера, известного представителя региональной элиты конца XIX века, относящегося к группе «кресовых поляков». Он пишет: «...я категорически отвергаю трактовку литовских поляков как “ответвления польской нации, которое живет в Литве”. Если по отношению к нам, литовским полякам, и можно говорить о каком-то “ответвлении” от чего-либо или от кого-либо, то историческая точность требует отметить, что мы – не часть польской нации, пришедшая в Литву, а часть коренного населения края, которое сегодня стало польским. Мы не импортированный экзотический товар, а продукт непосредственной исторической эволюции, происшедшей в нашем крае в результате определенных событий политической истории» [18, с. 69].

Однако не все «кресовые поляки» столь четко определяли свое отличие от исходно польской этнической идентичности, т. е. представителей польской нации этнического типа.

В этой связи требуют пояснения моменты, связанные с пониманием сущности нации как конструируемого проекта и определения так называемых движущих сил, заинтересованных в его реализации нациестроительства в конкретных ситуациях. Как отмечает Э. Хобсбаум со ссылкой на работы К. Хэйса и Х. Кона, нации вовсе не являются столь же древними, как сама история, на чем настаивали примордиалисты и эссенциалисты [20, с. 8–9].

Однако нации представляют собой важнейшую коренную предпосылку социального бытия и индивидуальной идентификации ее членов, хотя Э. Хобсбаум отмечает, что отсутствуют сколь-нибудь удовлетворительные критерии, которые позволили бы определить, какие сообщества имеют право носить ярлык «нации». Используемые критерии (язык, этнические характеристики и пр.) исследователь отмечал как крайне зыбкие [20, с. 11, 13], поскольку, как мы говорили выше, они могут меняться, а идентичность – подвергаться транзиту при стечении определенных условий.

Критикуя «объективистские» определения нации, Э. Хобсбаум выделяет и недостатки «субъективистских» определений нации, в частности К. Реннана, который полагал, что «национальность может быть предметом произвольного выбора конкретной личности, где бы и в каком бы окружении последняя ни проживала», при

этом сам К. Реннан сравнивал процесс выбора национальной принадлежности человека с его религиозным выбором, отмечая, что взрослый выбирает религию самостоятельно, а несовершеннолетние – через родителей [20, с. 15].

Критиковал понятие нации и социолог П. Сорокин. Он считал, что рассматриваемые признаки нации по отдельности никак ее не определяют, а все вместе – и вовсе противоречат друг другу. Проблема определения национальной принадлежности, по его мнению, есть индивидуальная самоидентификация личности, в основе которой лежит национальное неравенство как разновидность социального неравенства [6, с. 23].

Таким образом, нация в рамках конструктивистских и постконструктивистских теорий зачастую понимается преимущественно с субъективистских позиций как явление, которое подвержено практикам конструирования. В этой связи важная задача – выявить заинтересованных в данном процессе акторов и определить их как с размером и форматом затраченных на конструирование ресурсов, так и с содержанием и объемом базовых предпосылок, включенных в концептуально-теоретическое основание нации как конструкта.

Американский социолог М. Манн отмечает, что, по сложившемуся стереотипу, значительная часть историков считает, что нации, оформившиеся в XIX веке, возникали в рамках союзов между модернизирующимися старыми элитами и мелкой буржуазией (средним классом). При этом он настаивает, что основную функцию «модернизаторства» брали на себя либеральные гражданские служащие и специалисты [10, с. 214]. М. Манн критикует тезис о политическом национализме среднего класса в лице буржуазии (т. е. отрицает ее активную роль в нациестроительстве и формировании соответствующих идентичностей), отмечая лояльность, процветание, самоуспокоенность, желание отличиться в потреблении и т. д. представителей данной социальной группы. Все эти признаки объединялись им в понятие «консерватизм среднего класса» [10, с. 218]. И действительно, можно вспомнить, каких трудов стоило О. Бисмарку в начале «собираения» германской нации заставить сытых и довольных жизнью прусских бюргеров сначала просто отправиться на войну с Данией, а затем начать воевать и побеждать.

М. Манн считает, что национализм в XIX веке во многом был порожден бюрократизацией, которая сопровождалась ростом на протяжении «долгого XIX века» так называемой «выгоды государства», проявившейся в увеличении государственных доходов и расходов, изменениях в налогообложении, расширении функций госу-

дарства. При этом бюрократизация предполагала, что должности доставались образованным соискателям, а лучшие должности – обученным. Расширение государственных функций привело к тому, что государственная служба стала рассматриваться как преимущество [10, с. 220], и не средний класс в лице мелкой буржуазии и модернизированные старые элиты, а государственные служащие, наиболее завязанные на государство, и лица высокообразованные, наиболее социализированные в государственных идеологиях были наиболее вероятными агрессивными националистами [10, с. 233]. В этой связи университеты начинают играть особую роль в процессах нациестроительства как центры сосредоточения интеллектуальной элиты и учреждения по подготовке высококвалифицированных кадров для госслужбы, а наличие университета в соответствующем национальном регионе империи значительно ускоряло процесс оформления национального проекта.

Относительно ситуации в белорусском регионе данные положения можно рассматривать в связи с учетом региональной специфики, в рамках которой данные наблюдения подтверждают свою актуальность, но проявляются не так однозначно. Так, в белорусском регионе основная масса государственных служащих учреждений Российской империи среднего и низового уровня имела местное шляхетское по преимуществу происхождение. Белорусский историк А. Киселев отмечает, что даже в органах полиции в белорусском регионе доля местных уроженцев зачастую превышала показатель в 90 % [4, с. 154–160]. Идентичность данной социальной группы преимущественно была связана с ориентацией на Речь Посполитую как историческую желаемую форму государственного устройства. Вероятно, ими осознавались потенциальные преимущества государственной службы на пользу «собственного» государства, а не «чужой» империи; этим объясняется достаточно активное участие части госслужащих в антиправительственных восстаниях.

Помимо этого, в шляхетских семьях белорусского региона существовала давняя устойчивая традиция давать детям максимально возможный, желательный высший уровень образования. Однако после 1832 г. использовать возможности получения высшего образования были существенно ограничены, поскольку крупнейший в Российской империи Виленский университет был закрыт. В белорусском регионе был ликвидирован ключевой интеллектуальный центр, который со временем мог и должен был стать местом концентрации интеллектуальных сил и способствовать разработке и продвижению белорусской национальной

идентичности (несмотря на изначально польский характер данного учебного заведения). Так, М. Грох отмечает, что в быстром формировании чешской нации значительным положительным фактором было наличие Карлова университета в Праге [13, с. 99]. Необходимо отметить, что представители белорусской интеллектуальной элиты были разбросаны по университетам Российской империи, что значительно снижало ее нациетворческий потенциал [22]. Тем не менее именно в среде белорусского студенчества университетов Петербурга, Москвы, Киева (как правило, территориально максимально приближенных к белорусскому региону) были сформулированы основные положения белорусской национальной идеи и заложены основы формирования белорусской идентичности. То есть теория М. Манна имеет право на объяснение социальных процессов белорусского нациетворчества. Не средний класс и старые элиты, представленные преимущественно носителями «крэсово́й» польской идентично-

сти, а государственные служащие и специалисты с высшим образованием местного происхождения с приличным уровнем образования и социальной активности (а также студенты университетов, готовящиеся стать таковыми) стали инженерами белорусской национальной идентичности.

Таким образом, «долгий XIX век» – это время трансформации региональных элит, которые вместе с перестройкой политических институтов, в которых они существовали, модернизацией физического и символического пространства империи заложили основы формирования современных (в том числе и белорусской) наций, создававшихся на основе общей этнической и культурной идентичности. Реальные исторические процессы в рамках модернизации империи в совокупности с формированием наций отражались на уровнях и идентичностях как глобальных имперских, так и локальных, региональных элит и определяли конкретные формы и направления их социальной активности.

Список использованных источников

1. Бунаков, М. Ю. Национализм и национальная идентичность в условиях глобализации: проблемы концептуализации / М. Бунаков, В. Лукин // CREDO NEW [Электронный ресурс]. – 2006. – № 2. – Режим доступа: credonew.ru/content/view/553/58/. – Дата доступа: 10.10.2018.
2. Горизонтов, Л. Е. Славянские народы и империи в долгом XIX веке. Размышления о векторах исследований / Л. Е. Горизонтов // Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития: сб. материалов Всерос. совещания славистов, Москва, Ин-т славяноведения РАН, 23–24 окт. 2003 г. / отв. ред. В. К. Волков. – М.: Стратегия, 2005. – С. 116–130.
3. Дробижьева, Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижьева // Электронная библиотека: Гражданское общество в России [Электронный ресурс]. – М. – С. 214–228. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2018.
4. Киселев, А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в.: монография / А. Киселев. – Минск: Изд-во УО «Военная академия Респ. Беларусь», 2007. – 172 с.
5. Клімуць, Л. Я. Сармацкая культура беларускай шляхты ў XVI–XVIII стагоддзях / Л. Я. Клімуць. – Мінск: Беларусь, 2013. – 127 с.
6. Красовицкая, Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля – октября 1917 г. Структуры, персонажи / Т. Ю. Красовицкая. – М.: Новый Хронограф, 2015. – 416 с.
7. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне. 1914–1918: в 2 т.: пер. с нем. / Э. Людендорф; под ред. А. Свечина. – М.: Высш. воен. ред. совет, 1923–1924. – Т. 1. – 1923. – 387 с.
8. Макарэвіч, В. Шляхта Беларусі XIX ст. у святле беларускасці / В. Макарэвіч // ACTA ALBARUTHENICA. – 2003. – № 3. – С. 82–85.
9. Малыгина, И. В. Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика / И. Малыгина // Общественные науки и современность. – 2004. – № 1. – С. 147–153.
10. Манн, М. Источники социальной власти: в 4 т. / М. Манн; пер. с англ. А. В. Лазаревича; под науч. ред. Д. Ю. Карасева. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (кн. 2). – 520 с.
11. Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / отв. ред. А. И. Миллер. – М.: РАН, Ин-т славяноведения и балканистики, 1994. – 198 с.
12. Орлова, Э. А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании / Э. А. Орлова // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. IV. – С. 87–111.
13. Павленко, О. В. Йиржи Коржалка: новый взгляд на процессы формирования наций в Центральной Европе / О. В. Павленко // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / отв. ред. А. И. Миллер. – М.: РАН, Ин-т славяноведения и балканистики, 1994. – С. 94–111.
14. Павленко, О. В. Осмысливая «долгий XIX век»: новые подходы в современной российской историографии (к выходу 5 тома научного издания «Всемирная история»: в 6 т. Т. 5 Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / гл. ред. А. О. Чубарьян; отв. ред. В. С. Мирзеханов. – М.: Наука, 2014. 939 с.) // Вестник РГГУ.

Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2016. – № 1(3). – С. 148–154.

15. Попов, К. А. Рецензия на книгу: Халас И. Венгрия и формы словацкой идентичности в «долгом» XIX веке = Halász I. Uhorsko a podoby slovenskej identity v dlhom 19. storočí. Bratislava, 2011. 236 s. // Славяноведение. – 2015. – № 3. – С. 103–105.

16. Рашковский, Е. Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... / Е. Б. Рашковский // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 33–39.

17. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.

18. Смоленчук, А. «Польское присутствие» в белорусской истории / А. Смоленчук // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2006. – № 1–2. – С. 55–72.

19. Тельнова, Н. А. Феномен идентичности: способы описания и социокультурные основания / Н. А. Тельнова // Вест. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2011. – № 1(13). – С. 25–31.

20. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1870 года / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А. А. Васильев. – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с.

21. Шимукович, С. Ф. Белорусские региональные элиты периода «долгого XIX века» как предмет исторического исследования: обоснование понятия / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 1. – С. 3–12.

22. Шимукович, С. Ф. Свои среди чужих? Об уроженцах белорусского региона в Казанском университете в XIX веке / С. Ф. Шимукович // Электронный научный журнал «Гуманитарные науки в XXI веке» [Электронный ресурс]. – Казань, 2018. – № 11. – С. 42–57. – Режим доступа: <https://humanist21.kgasu.ru/>. – Дата доступа: 14.01.2019.

Дата поступления: 15.01.2019.